
СЕРДЦЕ
КУПОЛА
16+

Максим Меркушин

Сердце купола

«Автор»
2026

Меркушин М.

Сердце купола / М. Меркушин — «Автор», 2026

Шесть поколений люди живут под куполом и не видят солнца. Церковь Единого Бога продаёт им вечную молодость в обмен на покорность, а древние боги доживают свой век в трущобах: Афина учит сирот, Гермес разносит почту, Арес снимает квартиру у банковского коллектора.Коллектор Каин ни во что не верит. Однажды в окне золотой Башни он видит бледного мальчика и слышит у себя в голове: «Помоги мне. Они не дают мне умереть».Мальчик - последний бог, рождённый под куполом, и на его боли держится весь город. Если его отпустить, купол рухнет над миллионами людей. Если оставить, придётся жить дальше, зная, чем оплачен твой мир.Каин теряет работу, деньги и дом. Его жена Аврора хранит собственную тайну и тоже оказывается втянута в игру Церкви, чёрного рынка и богов. Каждому из них придётся решить, что он готов отдать за несколько часов настоящего времени.

© Меркушин М., 2026
© Автор, 2026

Максим Меркушин
Сердце купола

Часть первая. Трещина

Глава 1. Зеркало и голос

(Каин)

«Ты должен найти меня!»

Крик прошёл сквозь сон, как палец сквозь мокрую бумагу. И прозвучал он не во сне: будто кто-то стоял у самого изголовья и сказал это мне в ухо. Я сел. Пульс колотился под горлом, пальцы держали простыню так, словно кровать собиралась уехать из-под меня.

Будильник заиграл на три секунды позже. Шесть утра. Выходные кончились, не начавшись.

Аврора спала, уткнувшись в подушку; прядь тёмных волос вздрагивала в такт дыханию. Беззаботная. И не обязанная вставать, — царапнула привычная кислая мысль. После повышения, когда мы въехали в башню «Эверест», я настоял, чтобы она не работала. «Давай подумаем о семье», — говорил я. «Давай построим свой мирок», — отвечала она, сияя. Когда сияние стало тише, я не заметил.

Свой мирок. В моногороде, который когда-то был зелёной планетой. Настоящего солнца здесь не видели шесть поколений: свет умирающей звезды едва пробивался сквозь купол и размазывался в серый день. Человечество, спасаясь от неё, истратило все ресурсы на эту грандиозную могилу и теперь жило в ней, как живут в доме, назначенном под снос: рожало детей, ходило на работу и молилось.

Молилось особенно усердно с тех пор, как явились Они. Кто они на самом деле, не знал никто. Религиозные войны закончились, когда сильнейшие объединились во Всемирную Церковь Единого Бога. Её товар — вечная молодость в обмен на полную покорность. Конкурентов стёрли. Мир стал серым, тесным и благочестивым — для тех, кто мог заплатить.

Я мог. Ценой работы в «специальном отделе» банка, который возвращает проблемные долги. Ценой красно-чёрных таблеток. Армейский стимулятор со складов войны, которую давно никто не помнил: несколько часов я работал, как машина, а потом сутки не мог вспомнить, зачем вообще работаю. Поставлял их мой арендатор. Арес. Тот самый. Бог войны в изгнании жил в старой квартире Авроры на задворках планеты и расплачивался со мной таблетками вместо денег. Других запасов у бога войны не осталось.

В зеркале прихожей стоял мужчина за тридцать, с прямой спиной и первой упрямой сединой у висков. Седина меня радовала. Их «вечную молодость» я не принимал, как не принимали её мои родители: они хотели прожить отмеренный срок честно и прожили.

До работы я шёл час, заглушая тревогу ритмом шагов. Толпа текла по улицам: офисный планктон вроде меня и сытые «вечно молодые» с сияющей кожей, чьи взгляды скользили по мне без интереса. Я был своим, пока мой атеизм оставался при мне.

У входа в башню «Галерея», где на 67-м этаже помещался мой банк, как всегда, сидел одноглазый бродяга в обтрёпанном плаще с пустой жестяной кружкой. Каждый день я бросал ему монету, не глядя. Монета всегда была одна и та же: старый медный кругляш с солнцем на одной стороне, из отцовской коробки. Почему, я не знал.

Сегодня я посмотрел.

Глаз у него был один, и он ничего не просил. Он оценивал. Так смотрит не нищий, а часовой, который только что убедился: пришёл тот, кого ждали.

Меня обдало холодом. Я бросил монету в кружку, не услышав звона, и почти бегом вошёл в вестибюль.

Весь день я был не в себе. Цифры расплывались. Когда лифт на пятидесятом этаже дёрнулся и свет на секунду погас, кто-то в очереди буркнул: «Опять скачки в нижних секторах. Третий раз на неделе». Я пропустил это мимо ушей.

К полудню я не выдержал и подошёл к окну кабинета. Окно выходило на главную достопримечательность района, золотую Башню Церкви. Она сияла, как витрина ювелирного, куда меня не пустили бы даже в выходном костюме. У её шлюзов сновали дорогие машины и выпускали служителей в расшитых белых мантиях.

Я поднёс к губам кружку, делая вид, что отдыхаю. Но зрачки, всё ещё сжатые вчерашней таблеткой Ареса, сами навелись на окна напротив. На одном из средних этажей стоял мальчик. Лет десяти, очень бледный, в простой белой рубашке. Силуэт у него дрожал, будто я смотрел сквозь горячий воздух над плитой.

Он смотрел прямо на меня.

И голос прозвучал снова. Не во сне. Тихий и чёткий, прямо в мозгу:

«ПОМОГИ МНЕ. ОНИ НЕ ДАЮТ МНЕ УМЕРЕТЬ».

Виски прошило болью. Кружка выскользнула из пальцев, фарфор разлетелся по полу. Когда зрение прояснилось, к мальчику уже бежали фигуры в тёмном. Схватили за руки, загородили собой. В последний миг, прежде чем его утащили вглубь комнаты, я поймал его взгляд. Страха там не было. Только усталость, старая, как сам купол, и просьба.

— Всё в порядке? — спросила секретарша.

— Кофе слишком горячий, — пробормотал я и полез собирать осколки. Руки тряслись.

Домой идти не хотелось. Откат после таблеток я знал хорошо: он не разговаривает детским голосом и не просит дать ему умереть.

Меня звали. И в золотой башне это слышали не хуже меня.

Глава 2. Дань

(Каин)

После работы я не пошёл домой. Сначала позвонил Авроре со служебного коммуникатора и сказал, что задержусь.

— Опять отчёты? — Её голограмма улыбалась, но осторожно. — Каин, за этот месяц я разговаривала только с консьержем и с кофемашиной. Кофемашина, кстати, слушает лучше.

— Я постараюсь пораньше.

— Ты говорил это на прошлой неделе.

Ответить мне было нечего. Мы оба сделали вид, что это шутка.

Дорога на задворки планеты, в трущобы бывшей Африки, заняла вдвое больше обычного. Каждый священник в вагоне монорельса казался шпионом. По пути я купил у торговца пачку сладких лепёшек — привычную «дань» своему арендатору. Район пах гарью, мусором и мокрой золой. В бликах костров дрожали ржавые стены. Подъезд, как всегда, был подозрительно чист: заслуга скучающего бога.

Дверь распахнулась раньше, чем я позвонил.

Арес стоял босой, в майке и простых штанах. На обычно беззаботном лице была тревога. Он выглянул мне за спину, проверяя, один ли я.

— Заходи. У тебя вид, будто за тобой гонится легион фурий.

— Я видел его. Слышал. В Башне Церкви. Мальчик.

Арес подошёл к окну и задёрнул штору, хотя снаружи и так была тьма. Левой рукой он потёр рёбра, где под майкой угадывался старый белый шрам.

— Рассказывай.

Я рассказал: сон, одноглазого, окно, слова, боль. Пока я говорил, шрам на его боку почернел и начал сочиться тёмным.

— Вторые сутки так, — сказал он. — Раньше ныл раз в год, к ночи. Теперь не отпускает. Это не моя рана, человек. Она отзывается на чужую.

— На чью?

— Ты же слышал, кто тебя просит. Не прикидывайся. — Он налил мне чаю, крепче обычного, и сунул кружку в руки. — Пей. Трясёшься.

Чай обжёг горло, и мир на секунду стал настоящим.

— Одноглазый — это Один, — сказал Арес. — Старый болтун и манипулятор. Раз он вышел на тебя, канал открыт. Один зря не шевелится.

— Какой канал? Арес, кто этот мальчик?

Он долго смотрел в чашку.

— Нас осталось мало. Афина ушла в приют для сирот и учит детей, которые не знают, кто она. Гермес держит почту в нижних секторах и прячет под посылками чужие письма. Деметра не выходит из оранжереи, где растёт последняя в городе пшеница. Мы слабеем, потому что планета умирает, а мы с ней связаны. Но он… — Арес поднял глаза. — Он не из нашей когорты. Самый младший. Родился уже после того, как построили купол, из последней вспышки веры, страха и отчаяния. Церковь нашла его первой.

— И что сделала?

— Приковала. Называют его «Сердцем купола». Из него качают ту самую «вечную молодость», которую продают пастве. Пока он мучается, банкет продолжается.

Я вспомнил сияющие лица в толпе, очереди у Башни, сытые лица служителей.

— Как батарейка, — сказал я.

— Как якорь. — Шрам дёрнулся. — Он держит всю эту агонию на плаву, и мы чувствуем каждый его вздох. Для него это медленная смерть. Для нас тоже.

— Его надо освободить.

Арес коротко рассмеялся.

— Освободить. Он сидит в самой охраняемой цитадели в истории. И освободить его можно только смертью. Говорят, если он умрёт, купол рухнет вместе с ним. Церковь этого боится до икоты. А что будет с нами, мы не знаем. Может, исчезнем. Может, наконец уснём.

— При чём здесь я?

— Ты его слышишь. Не вообразил, не увидел призрака. Услышал. Атеист, у которого голова не набита молитвами, и душа почему-то откликается на его боль. Ты можешь быть проводником. Ключом. Или мишенью.

Он сказал это так, как говорят о погоде на завтра.

И вдруг вскинул голову, как зверь, уловивший звук. Расслабленность слетела с него разом. Он метнулся к окну и отодвинул край шторы на сантиметр.

— Собирайся. Сейчас.

— Что?

— Сети слежения. Если Сердце подало голос, Церковь начнёт сплошной скрининг. Твоя сцена в офисе, взгляд на Башню… этого хватит. А раз ты здесь, выйдут и на этот адрес.

— Аврора…

— С ней пока не свяжут. Есть время. Но не здесь. Уходи тем же способом, что в прошлый раз, и возвращайся домой как ни в чём не бывало. — Он рывком открыл шкаф и стал швырять вещи в походный мешок. — И слушай. Если надо будет понять, как Церковь ловит слышащих, найди Афину. Приют «Три сестры», Нижнее кольцо. Скажи, что я жив. Она одна знает, как они работают.

— Арес…

Он обернулся, и иронии в его взгляде впервые не было.

— Я слишком долго прятался. Может, Один прав, и бегать пора перестать. А теперь вали!

От этого «вали» у меня заложило уши. Я попятился к комнате с гобеленом. На пороге оглянулся: контуры Ареса уже плыли, как воздух над костром, и в квартире пахло горячим железом.

Я бросился к гобелену, представляя свою гостиную в «Эвересте». Полотно замерцало. Последнее, что я услышал, шагая в вихрь, был треск: этажом ниже ломали дверь.

Портал выплюнул меня на ковёр в моей стерильной гостиной. Из спальни доносилось ровное дыхание Авроры.

Я постоял у окна, слушая, как за стеклом гудит вентиляция города. Мальчик, шрам Ареса, треск двери этажом ниже — всё это осталось где-то за пределами этой комнаты.

Я лёг на диван, не раздеваясь. Утром совру, что засиделся за картами у Ареса. Пока это почти не ложь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.